
Причины военной катастрофы 1941-го: из новейшей литературы

Антон Короленков

The causes of the 1941 military catastrophe: from the recent studies

Anton Korolenkov («Novaia i Noveishaia istoriia» journal, Moscow, Russia)

Трудно найти в литературе по отечественной истории тему, которая привлекала бы большее внимание, чем причины поражений Красной армии в первые месяцы войны. Об этом пишут и профессиональные историки, и публицисты, и просто любители. На их оценки сильнейшим образом влияют не только знание предмета, но и политические пристрастия авторов, которые нередко обвиняют оппонентов в фальсификации (чаще всего не утруждая себя доказательствами, что речь идёт именно о фальсификации, а не о добросовестном заблуждении, ошибке или незнании) – обычно это делают поклонники тогдашней системы и лично вождя¹. Однако дискуссии ведутся и на более серьёзном уровне, позволяя во многом изменить наш взгляд на случившееся в 1941 г.

Во время войны и в первые годы после неё неудачи первого периода объясняли внезапностью и вероломством нападения, численным перевесом неприятеля, на которого работала «вся покорённая Европа», долгим отсутствием второго фронта и т.д. Позднее, особенно после XXII съезда КПСС, не отказываясь от этих тезисов, много внимания стали уделять отрицательной роли Сталина и созданного им режима личной власти («культ личности»), что выразилось в серьёзных ошибках при подготовке страны к войне, репрессиях среди командного состава, отсутствии реакции на предупреждения разведки, неудачных решениях в первые недели войны и др. Особенно много писалось об обезглавливании Красной армии и неприведении войск накануне войны в полную боевую готовность. Указывалось на то, что армия не готовилась к обороне. В послехрущёвские времена от этих тезисов отказываться не стали, однако о репрессиях говорили лишь одной строкой, не вдаваясь в детали и цифры, просчёты Сталина подавались лишь как его личные ошибки, т.е. о его системе власти речи уже не шло. Когда заходила речь о численности техники в приграничных округах, туманно говорилось лишь о «большом количестве самолётов и танков старых конструкций».

С началом перестройки вновь стал активно обсуждаться вопрос об ответственности Сталина за поражения первого периода войны, о порочности созданной им системы власти (хотя признавались и определённые её достоинства), подавлявшей инициативу и стоившей жизни многим тысячам специалистов, которые могли бы немало сделать для отпора врагу. Были, наконец, обнародованы

© 2015 г. А.В. Короленков

Автор выражает признательность за консультации к.и.н. С.З. Случу (Институт славяноведения РАН) и А.А. Маринченко (Днепропетровский национальный университет им. О. Гончара).

¹ «Классический» образец такого «подхода» – «формула» отличающегося специфической манерой своих высказываний публициста И.В. Пыхалова: «Не всякий фальсификатор антисталинист, но всякий антисталинист – фальсификатор» (URL: <http://pyhalov.livejournal.com/61638.html>, дата обращения 22 июля 2014 г.).

данные о численности советских самолётов и танков в приграничных округах накануне гитлеровского нападения – она оказалась в несколько раз большей, чем у неприятеля. Кроме того, встал вопрос и о целесообразности внешней политики СССР предвоенного периода, которая, по мнению многих учёных, привела в 1941 г. к изоляции нашей страны. Проблема секретных протоколов к советско-германскому пакту рассматривалась и с военно-политической точки зрения – высказывалось мнение, что присоединение западных областей Украины и Белоруссии привело не к укреплению, а к ослаблению безопасности Советского Союза, у которого образовалась общая граница с Германией – противником, несомненно, куда более опасным, чем Польша.

С выходом в свет известных книг В.Б. Резуна (В. Суворова) «Ледокол» и «День “М”» разгорелась дискуссия вокруг вопроса о том, не собирався ли Сталин первым напасть на Германию, чем автор книг и объяснял подготовку армии только к наступлению и соответствующую конфигурацию расположения войск на границе. Сам этот тезис, основанный на передержках, игнорировании и просто искажении фактов, в чистом виде почти никем из историков не принимается, однако породил плодотворную дискуссию, в ходе которой выяснилось немало важных обстоятельств. Шло также обсуждение вопросов об уровне подготовки войск, характере сообщений разведки, влиянии репрессий на боеспособность армии и т.д.

Результатом этих дискуссий стали и рассматриваемые книги. Первая из них принадлежит перу военного историка, автора блестящих монографий о Великой Отечественной войне Л.Н. Лопуховского² и инженера и военного писателя Б.К. Кавалерчика. Хотя их совместная работа³ написана в научно-популярном ключе, она тем не менее основывается на достаточно обширном документальном материале – как опубликованном, так и архивном, историографии на русском и английском языках, главное же – на их критическом осмыслении.

Поиски ответа на давний вопрос, в чём причина поражений 1941-го – «во *внезапности* нападения или *неготовности* Красной армии к той войне, которую навязали Советскому Союзу?» (с. 31, выделено в оригинале) – авторы начинают с рассмотрения той ситуации, в которой оказалась германская армия после Первой мировой войны. Она лишилась всех важнейших средств борьбы (авиации, танков, тяжёлой артиллерии и др.), однако главнокомандующий рейхсвером Г. Сект (Зект) обнаружил лазейку в военных статьях Версальского мира – они не ограничивали численность унтер-офицеров, и в итоге их оказалось 59 500 на 100-тысячный рейхсвер⁴. Это позволило впоследствии быстро с их помощью обучить сотни тысяч солдат. На офицерские места брали наиболее подготовленных. Немалую роль сыграло и то, что Секту с помощью административных манёвров удалось сохранить генеральный штаб, который по условиям Версальского мира надлежало ликвидировать. Сект понял важность танковых войск, их взаимодействия с авиацией, а потому постарался создать если не сами эти рода войск, чего условия Версаля не позволяли, то хотя бы кадры для них, и добился многого. Больших успехов достиг планеризм, правительство субсиди-

² Лопуховский Л.Н. Прохоровка. Без грифа секретности. М., 2005. Изд. 2. М., 2012; *он же*. 1941. Вяземская катастрофа. М., 2008.

³ Кавалерчик Б.К., Лопуховский Л.Н. Июнь 1941. Запрограммированное поражение. М.: Яуза, Эксмо, 2010. Далее ссылки на эту книгу даются в тексте.

⁴ Л.В. Ланник резонно охарактеризовал отсутствие ограничений на число унтер-офицеров в рейхсвере как проявление дилетантизма союзников (Ланник Л.В. Германская военная элита периода Великой войны и русский след в её развитии. Саратов, 2012. С. 314).

ровало развитие гражданской авиации. Тайно разрабатывались проекты новых танков и подводных лодок (с. 36–39). Немалое значение имело сотрудничество с Красной армией, и хотя Геринг не учился в Липецкой авиашколе, а Гудериан – в танковой школе «Кама» под Казанью, как часто утверждают, те, кто прошёл там обучение, потом стали видными военачальниками. Это были начальник Генерального штаба люфтваффе Г. Ешоннек, начальник штаба групп армий «Юг» и «Б» В. Шпайдель, командующий 1-й воздушно-десантной армией К. Штудент и др. Проходили обучение в Германии и советские военачальники – А.И. Егоров, В.М. Примаков, С.П. Урицкий, И.Э. Якир и др. Однако многие учились там всего год или даже полгода и к тому же не на последнем курсе, так что переоценивать значение этих стажировок не стоит. Любопытно, что в штабных учениях с участием будущего главнокомандующего рейхсвером В. фон Бломберга⁵ и И.П. Уборевича отработывались совместные действия германских и советских войск против Франции – Сект был сторонником тесных связей с СССР, считая его естественным союзником. Что же до учений, то средний немецкий офицер имел к 1939 г. гораздо больший опыт участия в манёврах, чем его коллеги из западных армий и РККА. Подготовка офицеров проводилась на высоком уровне, но в 1937 г. срок обучения из-за потребности в большем их числе сократили с четырёх до двух лет. Штабы были меньше, чем в армиях других стран, но их сотрудники благодаря высокому профессионализму справлялись со своими обязанностями. Попутно разрабатывалась теория блицкрига, а для её реализации в 1934 г. началось серийное производство танков. В 1935 г. была создана первая танковая дивизия (с. 34–62).

Что касается СССР, то его руководство не верило в возможность избежать войны и считало своими потенциальными противниками почти все европейские страны, а также Японию и США. (При этом существенные противоречия между странами – членами мнимой коалиции в расчёт не брались.) Наиболее враждебной Советскому Союзу считалась Англия. Во время «военной тревоги» 1927 г. выяснилось, что к сколь-либо серьёзному конфликту промышленность СССР не готова. Между тем Тухачевский разрабатывал проекты об увеличении армии в случае войны до 5.8 млн человек (против предполагавшихся 3.4 млн), советовал оснастить её 40 тыс. самолётов и 50 тыс. танков (!), на что Ворошилов резонно возражал: «Вы хотите разорить государство и оскандальить себя». Однако события развивались скорее в соответствии с рекомендациями Тухачевского. При этом в военной теории царило преклонение перед взглядами К. Клаузевица, который, не обременяя себя доказательствами, отрицал необходимость стратегического резерва, предлагал не считаться с потерями и т.д. Советский военный теоретик А.А. Свечин указывал на ошибки Клаузевица, предпочитая ему военную теорию А. Жомини, который отстаивал идеи сосредоточения основных сил на решающем направлении (но предостерегал от излишней концентрации войск), подвижного характера войны, наступления как единственного способа достижения победы и др. Сам Свечин при этом писал, что «право на наступление ещё надо заработать», и полагал, что при вражеском вторжении целесообразно отступить за Днепр (учтём, что граница СССР тогда проходила намного восточнее, чем в 1941 г.), целью же неприятеля считал Москву. Другие теоретики – В.К. Триандафиллов и К.Б. Калиновский – развивали теорию глубокой операции, которая, однако, не соответствовала тогдаш-

⁵ В тексте ошибочно идёт речь о нём как о действующем главкоме (с. 47), хотя Бломберг стал таковым лишь с 1933 г., тогда как Уборевич ездил в Германию последний раз в 1930 г.

ним возможностям Красной армии. Тем не менее сторонник этой теории Тухачевский раскритиковал Свечина, хотя события 1941-го подтвердили правоту именно последнего; впрочем, оба они погибли в годы «большого террора» и всего этого уже не узнали (с. 63–97).

Серьёзные трудности существовали и с кадрами. В РККА кануна войны один командир приходился на 6 рядовых, тогда как в вермахте – на 29. Однако большинство курсантов военных училищ имели лишь начальное образование, соответственно уровень их подготовки и к моменту выпуска оставался крайне низким (это считалось делом наживным). К тому же начались массовые репрессии, на что, по мнению авторов, повлияло разделение комсостава на сторонников Ворошилова и Тухачевского, причем Сталин, естественно, встал на сторону первого⁶. Авторы принимают цифру О.Ф. Сувенирова в 10 тыс. погибших во время репрессий командиров⁷, что, конечно, немного по сравнению с их общим числом. Однако на высшем комсоставе террор отразился очень тяжело – погибли три маршала из пяти, 14 командармов 1-го и 2-го рангов⁸, 84 комкора (135% по отношению к их числу на сентябрь 1936 г.) и т.д. Из 85 членов Военного совета при наркомате обороны по состоянию на февраль 1936 г. осталось в строю к началу войны лишь 9. Всего вооружённые силы лишились из-за репрессий не менее 738 человек из высшего комсостава (при том, что на 1935 г. весь он составлял всего 735 человек. – *А.К.*). Конечно, погибшие имели опыт лишь Первой мировой и Гражданской войн, но в любом случае у многих из них это зачастую был опыт вождения крупных масс войск, они лучше понимали важность технического и тылового обеспечения, зачастую не боялись отстаивать своё мнение и даже в борьбе с вермахтом могли бы показать себя лучше, чем их преемники. В 1920–1930-х гг. из армии было уволено большинство военспецов, что окончательно подорвало преемственность между дореволюционной армией и РККА. Репрессии снизили не только боеспособность армии и флота, но и отрицательно сказались на их репутации за рубежом. Врагов это поощряло на агрессивные действия, потенциальные же друзья утрачивали интерес к союзу с СССР, более не считая его сильной военной державой (с. 97–113)⁹.

Весьма интересно освещают авторы международное положение в 1938–1939 гг. В отличие от большинства отечественных историков и публицистов они считают, что Сталин и не собирался помогать Чехословакии – на запрос Праги о военной помощи ответ поступил с большим опозданием, когда время уже было упущено. Не разрабатывались и планы её оказания, что говорит само за себя. Даже когда Польша отвергла советский ультиматум и захватила Тешин, СССР не отреагировал. Лопуховский и Кавалерчик оспаривают и по сию пору популярное мнение о том, будто Англия и Франция хотели в Мюнхене на-

⁶ Жестокость чистки, как предполагают некоторые учёные, во многом была обусловлена событиями в Испании, где именно военные подняли мятеж против правительства (см., например: *Хлевнюк О.В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 292–295).

⁷ Авторы ссылаются на работу: *Сувениров О.Ф.* Сопrotивление личного состава РККА партийно-государственному истреблению военных кадров (1937 – июнь 1941) // Военно-исторический архив. Вып. 11. М., 2007. С. 54.

⁸ Авторы считают, что столько их и было в сентябре 1936 г. (с. 102), но на деле – 15. Погибли из них не все (С.С. Каменев «вовремя» умер в 1936 г., а Б.М. Шапошников выжил), 14-м стал М.Д. Великанов, получивший это звание в июне 1937 г.

⁹ В этом отношении интересны соображения В.К. Волкова о понятии союзоспособности, которая у СССР, по его мнению, снизилась в этот период почти до нуля (СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война, 1939–1941: дискуссии, комментарии, размышления. М., 2007. С. 219).

травить Германию на СССР¹⁰. Как показывают документы, руководители двух этих стран были заинтересованы в сохранении статус-кво и опасались войны в любом уголке мира (с. 68). В случае разгрома СССР Германией ни о каком статус-кво не могло бы быть и речи – Рейх завладел бы ресурсами нашей страны и стал бы слишком сильным. После оккупации Чехословакии нацистами и начала переговоров СССР с Англией и Францией позиция советского руководства несколько изменилась – Финляндия, Румыния, Эстония и Латвия, прежде считавшиеся врагами, теперь были отнесены к числу потенциально нейтральных стран, но Англия по-прежнему считалась «скрытым организатором и руководителем агрессии» против СССР. Между тем в Лондоне догадывались, что Советский Союз хочет остаться в стороне от войны, когда она начнётся, а поскольку это невыгодно для Англии, то лучше иметь его своим союзником и в войну втянуть. СССР же тогда уже вовсю вёл переговоры с Германией, с которой у него имелся общий враг – Англия. К тому же Гитлер в обмен на спокойствие на восточных границах после покорения Польши готов был отдать восточноевропейские земли, прежде входившие в состав Российской империи, которые всё равно потом собирался вернуть себе. Именно секретный протокол был сутью договора – в нарушение провозглашённого в 1917 г. отказа советской власти от тайной дипломатии и советско-польского пакта о ненападении, согласно которому стороны отказывались от направленных друг против друга соглашений. Авторы считают, что договор 1939 г. с Германией был не только циничным, но и невыгодным – в случае войны СССР с Рейхом территория Польши оказывалась бы удобным предпольем, и пока поляки сражались бы с вермахтом, Красная армия успела бы развернуться. Да и экономическая помощь Германии обернулась её усилением, горькие плоды которого Советскому Союзу пришлось пожинать через два года. В этих условиях даже простое уклонение от участия в соглашениях оказалось бы для нашей страны полезнее, чем пакт с Рейхом (с. 114–134).

Весьма интересно описание польской кампании. Польская разведка в целом верно определила направление главных ударов врага, но отразить их у Войска Польского сил не хватало. К тому же его командование приняло явно ошибочное решение удерживать все районы по периметру границы, что привело к распылению сил. Тем не менее сражались поляки отчаянно. Вопреки распространённому мифу, польская авиация не была уничтожена в первый день войны¹¹. Другой миф – полная неэффективность польской конницы¹². Из-за контрастступления поляков на Бзуре вермахту не удалось окружить их войска к западу от Варшавы. Советская же пропаганда¹³ при этом уверяла, будто «польская армия не оказывает немцам никакого сопротивления», поскольку

¹⁰ Эта точка зрения и по сию пору существует в историографии, в том числе и в издании, подготовленном под эгидой Министерства обороны РФ: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 2. М., 2012. С. 234.

¹¹ Впоследствии то же писали и о французской авиации применительно к кампании 1940 г. – и столь же безосновательно (Степанов А.С. Пиррова победа люфтваффе: французская кампания 1940 г. // Клио. Журнал для учёных. 2005. № 4(31). С. 82–84).

¹² Об обратном свидетельствуют, например, действия Поморской кавалерийской бригады, весьма потревожившей части Г. Гудериана. Восходящим к фашистской пропаганде мифом является атака танков польской кавалерией с «саблями наголо» – на деле уланы смелым ударом опрокинули немецкий батальон и лишь после появления вражеских бронемашин (не танков!) были вынуждены с потерями отступить (с. 142–144).

¹³ Стоит отметить, что ход польской кампании советская печать освещала в основном по немецким материалам (см.: СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война. С. 245).

40% населения страны – украинцы, белорусы и евреи, подвергающиеся национальному угнетению, и никто из них не хочет сражаться за такое государство. Но сам принять участие в схватке Сталин не спешил, хотя после объявления вопреки расчётам Гитлера Англией и Францией войны Германии Берлин добивался этого всё настойчивее, поскольку фактор времени обретал для него особую важность. Однако Сталин хотел действовать наверняка и ввёл войска в Польшу лишь 17 сентября. В ходе кампании выявились недостатки в организации движения войск, работе тыла и др., и только слабое сопротивление поляков позволило избежать больших потерь. Не всё оказалось гладко и у вермахта – много танков вышло из строя по техническим причинам, артиллерия зачастую отставала от пехоты, авиация поначалу бомбила свои передовые части и т.д. Однако немецкая армия получила бесценный боевой опыт, из которого извлекла должные уроки. Главным из них было то, что танковые части во взаимодействии с авиацией доказали свою эффективность (с. 134–185).

При описании «странной войны» в книге показаны недостатки в организации боевых действий со стороны союзников и профессионализм и инициативность офицеров и солдат вермахта, но всё же кампания 1940 г. изображена не как сравнительно лёгкий успех немецких войск, а как серьёзная боевая операция, потребовавшая от последних крайнего напряжения сил, – недаром солдатам давали первитин, чтобы они не страдали от переутомления. Под Аррасом им пришлось отражать сильный контрудар союзников, однако, несмотря на храбрость своих солдат, из-за плохой организации они так и не добились успеха. В конце мая даже появилась возможность окружить прорвавшихся немцев на севере Франции, но Вейган, сменивший на посту командующего Гамелена, отложил наступление, а потом и отменил его. Если немецкие командиры, хорошо подготовившиеся к высокоманёвренной войне, не боялись риска и нестандартных решений, то союзники действовали по шаблону. Отрезанные в Бельгии войска спасти не удалось. Авторы указывают на эффективные действия люфтваффе, отмечая, что эффект этот иногда был скорее психологическим, но от того не становился меньшим. Расчёт союзников на затяжную войну, в которой, как четверть века назад, они имели бы немалые шансы на успех, рухнули. Тем не менее вермахту не удалось уничтожить английскую армию, что скорее всего привело бы к выходу Британии из войны, а для СССР означало бы необходимость иметь дело ещё с 40 дивизиями врага. Могли бы продолжить борьбу и французы, если бы эвакуировались в Северную Африку, но они на это не решились (с. 185–248).

А вот у Советского Союза блицкриг против Финляндии не получился. Хотя ещё недавно она была причислена к потенциально нейтральным странам¹⁴, осенью 1939 г. положение изменилось. От неё стали требовать обмена территориями, разрешения устроить военную базу на Ханко и т.д., а в ответ на отказ зазвучали угрозы, хотя, по мнению авторов, было бы куда выгоднее развивать с нею добрососедские отношения. Финская армия оставалась малочисленной и слабо оснащённой, а потому Сталин решил обойтись меньшими силами, чем советовал начальник Генштаба Б.М. Шапошников. Наступление велось по трём изолированным направлениям и было плохо организовано, выучка бой-

¹⁴ Следует, однако, отметить, что уже с середины 1930-х гг. советская сторона демонстрировала (причём в весьма резкой форме) недовольство политикой Финляндии, постоянно подозревая её во враждебных замыслах (*Вихавайнен Т.* Внешняя политика Финляндии // Зимняя война 1939–1940. Кн. 1. Политическая история. М., 1999. С. 53).

цов оставляла желать лучшего, систему обороны врага вскрыть не удалось, артподготовка велась по площадям, и при этом на операцию отпускалось всего 20 дней. Успеха в таких условиях удалось достигнуть лишь на севере, где 14-я армия уже 2 декабря взяла Петсамо (Печенгу), прорвать же линию Маннергейма советские войска не смогли. Они не раз попадали в окружение, несли огромные потери, финны захватили огромное количество техники. Лишь после того как новое наступление было всесторонне подготовлено, прорыв состоялся. При этом наши части до последнего дня войны штурмовали Выборг, что не диктовалось необходимостью и лишь привело к бессмысленным потерям и разрушениям. В условиях, когда Англия и Франция могли оказать помощь Финляндии в случае попытки со стороны СССР полностью оккупировать её, советское руководство предпочло пойти на мир. Формально Советский Союз одержал победу, заплатив за неё непомерную цену: авторы принимают данные, согласно которым наши войска потеряли безвозвратно 126 875 человек, а финские – 22 830 (попытки оценить потери финнов в 43 тыс. и тем более в 95 тыс. человек отвергаются как несостоятельные). Кроме того, 158 советских военнослужащих по возвращении из плена были расстреляны, 4 354 попали в лагеря и лишь 450 не подверглись репрессиям. Финляндия же окончательно стала врагом СССР (с. 249–290).

Описывая присоединение Прибалтики, авторы отмечают, что выборы 1940 г. в Литве, Латвии и Эстонии проходили без учёта местных конституций и законов, на подготовку к ним отводилось всего 9(!) дней, оппозиционные партии под разными предлогами к ним не допускались, а потому выборы носили по сути безальтернативный характер. Однако прибалтийские республики в составе СССР «с самого начала выглядели... чужеродными организмами». Как отмечают авторы, советские бойцы с удивлением отмечали более высокий уровень жизни на новоприсоединённых территориях, что вызывало озабоченность у властей. В книге указывается на недовольство населения новыми порядками и особенно репрессиями, но о первых сказано чересчур кратко – стоило бы упомянуть о падении реальной заработной платы, конфискации значительной части вкладов, превращении профсоюзов в марионеточные организации и др. Этим пользовались немцы, засылавшие в те края шпионские и диверсионные группы (с. 293–299).

С учётом опыта 1939–1940 гг. в Красной армии было укреплено единоначалие, повышены требования к дисциплине, увеличилось число полевых учений и командно-штабных игр и др. Однако при этом по-прежнему мало внимания уделялось обороне. Так, в 4-й армии провели игру, по итогам которой вторгшийся враг терпел поражение, однако именно на этом участке в июне 1941 г. немецкие войска прошли за неделю до 450 км и захватили Минск и Бобруйск (с. 293–302).

Авторы считают, что стратегическое направление следующего удара после разгрома Франции нацистское руководство заранее не предопределило. Перед Гитлером, которому не удалось «сходу» разгромить Англию, встал вопрос о дальнейших действиях. Можно было сократить армию на 500 тыс. человек и направить их в промышленность, которая произвела бы максимальное количество самолётов и кораблей, необходимых для победы над Британией. «Такой путь к победе был вполне реальным, но не сулил быстрых результатов, а Гитлер не хотел ждать» – он не хотел предоставлять Англии передышки и спешил закончить войну до вступления в неё США (с. 305). В этих условиях, полагают

они, и началась разработка плана «Барбаросса», чтобы лишить Англию последнего потенциального союзника в Европе. Однако были и те, кто считал, что сначала надо разгромить именно Англию (например, гросс-адмирал Э. Редер), и поэтому Гитлер попытался обеспечить нейтралитет СССР на время борьбы с Британией, что и стало причиной визита В.М. Молотова в Берлин¹⁵. Однако советская сторона потребовала, с точки зрения фюрера, слишком больших уступок, и переговоры закончились ничем. 18 декабря Гитлер подписал директиву № 21 – план «Барбаросса» (с. 303–332).

Согласиться со многими из этих суждений трудно. Дело было не только в рабочих руках, которые Гитлер мог получить путём частичной демобилизации (кстати, цифра в 500 тыс. человек приведена явно «на глазок»), – требовались дополнительные производственные мощности, причём такие, какие позволили бы состязаться не только с Англией, но и с США. Вряд ли есть сомнения, что в таком состязании шансов на успех у Германии не было.

Готовясь к схватке с Германией, советские военные старались учесть опыт кампаний на Западе. Объявив, будто ничего принципиально нового они не дают, нарком обороны С.К. Тимошенко на деле в целом верно оценил совокупность факторов, обеспечивших вермахту победу, и отметил высокоманёвренный характер операций в Европе. Однако при командно-штабных играх по-прежнему не отрабатывалось отражение нападения противника. Крупнейшим недостатком предвоенных планов, по мнению авторов, было то, что их разработчики исходили из возможности «угрожаемого периода». Г.С. Иссерсон, правда, резонно полагал, что война скорее всего начнётся без предупреждения, однако к нему не прислушались, хотя пример Польши, Бельгии, Голландии и других стран был в этом отношении поучительным¹⁶. Ошибочной оказалась и уверенность в том, что противник нанесёт основной удар на юго-западе, чтобы захватить хлеб Украины и нефть Кавказа. Ведь это имело для Германии смысл лишь при затяжной войне, а не при блицкриге. Разведка, как считают Лопуховский и Кавалерчик, оказалась не на высоте своих задач, но иного после кровавой «чистки» в её рядах с последующей заменой не самыми подготовленными людьми ожидать не приходилось (с. 343–357).

Сложно шла реорганизация армии. Были воссозданы мехкорпуса, но если ещё недавно их признали неуправляемыми из-за штата в 560 танков, то теперь он увеличился до 1000–1200 единиц. Для создания столь крупных соединений были расформированы все танковые бригады, что в начале войны привело к очень тяжёлым последствиям. Да и сами корпуса оказались не готовы к выполнению возложенных на них задач из-за отсутствия спаянности, нехватки грузовиков и др. Лишь в апреле 1941 г. было принято решение о создании 10 противотанковых артиллерийских бригад (с. 390–407). (К сожалению, в книге ничего не сказано о реорганизации ВВС.)

Оценивая численность сил приграничных округов Красной армии перед началом войны, авторы пишут о 2 897 млн солдат и офицеров, 8 920 самолётах

¹⁵ Думается, были и иные причины – выяснить намерения СССР в отношении его соседей, создать впечатление о расширении антибританского блока и др. (Случ С.З. Мотивы приглашения В.М. Молотова в Берлин. Факты, предположения, неокончательные выводы // Славянство, растворённое в крови... В честь 80-летия члена-корреспондента Российской академии наук Владимира Константиновича Волкова. М., 2010. С. 265–293).

¹⁶ См.: *Короленков А.В.* Канун великих испытаний: споры о советской предвоенной политике // Клио. Журнал для учёных. 2008. № 2. С. 35.

(с учётом ВВС флота), 10 738 танках и 176 танкетках¹⁷ и 42 159 орудиях и миномётах (без учёта 50-мм), годных к использованию 22 июня 1941 г. С немецкой стороны им противостояло 3 454 млн солдат и офицеров, 3 032 исправных самолёта, 4 634 танка (из них 3 811 немецких), 37 099 орудий и миномётов. При этом они полемизируют с М.А. Гареевым, который рассуждает о 2 800 тяжёлых и средних танках в составе вермахта – тяжёлых у немцев в начале войны не было вообще, а средних – только 1 479. Лопуховский и Кавалерчик указывают также на некорректность данных Гареева о 3 тыс. самолётов и 3.6 тыс. танков и другом вооружении, захваченном вермахтом во Франции. Создаётся ошибочное впечатление, что всё это могло использоваться немцами в дальнейших операциях, но это не совсем так – одни машины были сильно повреждены, другие требовали запчастей и горючего, отличавшихся от немецких стандартов. Многие использовались для обучения танкистов, постройки бронепоездов, в также в качестве мишеней. Сведения Гареева о 92 дивизиях, оснащённых французскими автомобилями, также требуют уточнения: из них 51 не была пригодна для использования на фронте и несла оккупационную службу. Указывают авторы и на некомпетентность суждений В.Б. Резуна (В. Суворова) о танках: он объявил чешские машины «воплощением технической отсталости» только потому, что бронелисты у них соединялись заклёпками, а не сваривались, хотя это давало определённые преимущества, и немцы очень ценили чешские лёгкие танки (с. 416–451).

Далее анализируется состояние Красной армии. Авторы отмечают, что при обилии боевой техники ей не хватало боеприпасов, горючего, средств транспорта и радиосвязи, запчастей. Плохо было отработано взаимодействие родов войск. Командиры боялись ответственности и обычно действовали по шаблону. Оставляла желать лучшего выучка: лётчикам запрещалось во избежание аварий выполнять сложные фигуры высшего пилотажа, только 19% умели летать в темноте в простых метеоусловиях и лишь 0.8% – в сложных. Ежедневно в авиакатастрофах разбивалось по 2–3 самолёта. В приграничных округах успели обучить для Т-34 и КВ лишь порядка 300 экипажей, да и то механики-водители имели в своём активе в среднем лишь 11 и 30 часов вождения соответственно. К тому же боевой опыт был у очень немногих, и его не сравнить с тем, которым обладали солдаты вермахта. Конечно, сложности имелись и у немцев – они располагали резервом всего в 300 (!) офицеров, в люфтваффе также нередко случались аварии и т.д. Но в целом по подготовке, опыту и организации вооружённые силы Рейха существенно превосходили советские. Те трудности, которые стояли перед нашей армией, вермахт уже в основном преодолел (с. 451–513)¹⁸.

¹⁷ В советское время, как известно, численность танков и самолётов в приграничных округах не указывалась (за исключением новых типов), говорилось о «значительном количестве самолётов» и «лёгких танков устаревших конструкций» (БСЭ. Т. 4. М., 1971. Стб. 1153). Однако в 1984 г. над покровом этой тайны всё же приподняли завесу, сообщив, что новые самолёты составляли 21.2%, а новые танки – 18.2% от общего числа (Великая Отечественная война. Вопросы и ответы. М., 1984. С. 75). Это даёт хотя и заниженную, но всё же весьма внушительную цифру в 7 200 самолётов и 8 100 танков, т.е. заметно больше, чем у неприятеля.

¹⁸ М.И. Мельтюхов считает, что «утверждения о якобы низкой боеспособности Красной армии в 1941 г. представляются недостаточно обоснованными» и «что вопрос о реальной её боеспособности накануне войны ещё ждёт своего исследователя», принимая точку зрения В.Б. Резуна, согласно которой в случае превентивного удара советские войска быстро разгромили бы немцев (*Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу: 1939–1941 (документы, факты, суждения)*. Изд. 3, испр. и доп. М., 2008. С. 335). А вот Б.В. Соколов, разделяющий тезис В.Б. Резуна о подго-

Собирался ли Сталин в 1941 г. напасть на Германию? На этот вопрос авторы отвечают отрицательно. «Соображения по плану стратегического развёртывания...» от 15 мая 1941 г., на который часто ссылаются как на «итоговый оперативный план советского Генштаба», – это именно соображения, и даже если они получили одобрение, чему нет доказательств, на их основе должно было лишь начаться планирование наступательных операций нескольких фронтов, однако следов их разработки не обнаружено. Рассуждения М.И. Мельтюхова о том, что если войска приграничных округов имели задачи не на оборонительные операции, а на прикрытие развёртывания, значит, речь шла об операциях наступательных, авторы считают «словесной эквилибристикой»: «Войска готовились к обороне в целях прикрытия развёртывания и от мобилизации». Слова «начать наступление 12.6» на «Соображениях по стратегическому развёртыванию вооружённых сил» 11 марта 1941 г. тоже ничего не доказывают – за три месяца невозможно было определить начало операции, многое могло измениться, да и доступ к этому документу имел достаточно широкий круг лиц, так что считать его итоговым также вряд ли правильно. Незаметно какой-либо подготовки к нападению на Германию на местах. Не было даже плана приведения войск в боевую готовность (!), за что не с ответственность Генеральный штаб, начальник которого Г.К. Жуков оказался явно не на своём месте. К тому же руководство СССР вплоть до последних мирных дней не могло разобраться в том, кто же в данный момент его враг – Германия или Англия. Гитлер и его генералы нашего нападения не ожидали и не боялись, считая Красную армию малобоеспособной, так что о превентивном характере немецкого нападения можно говорить лишь как об ударе по потенциально опасной державе, но никак не о предотвращении возможной советской агрессии (с. 514–586).

Возражают авторы и сторонникам версии об эффективности упреждающего удара, который-де привёл бы к разгрому Германии. При низком уровне боеготовности армии он точно так же закончился бы тяжёлым поражением. Об этом свидетельствуют, например, налёты на Финляндию в июне 1941 г., в результате которых наши ВВС потеряли 71 самолёт, а финны – лишь 3 (с. 548–553)¹⁹. Однако при том, что версия Резуна сама по себе неверна, его усилия привели и к положительному результату, отмечают авторы – началась дискуссия вокруг многих спорных вопросов истории войны, позволившая пересмотреть многие устоявшиеся точки зрения (с. 586). Впрочем, началась она несколько раньше.

Наконец, возникает вопрос о том, можно ли было предотвратить катастрофу в 1941 г. Говоря о внезапности нападения, авторы отмечают, что она была достигнута на оперативном уровне, ибо в стратегическом отношении война неожиданностью для советского руководства являться не могла. Характерно, что в 1941 г. аналогичная ситуация повторилась под Киевом, Вязьмой, Брянском.

товке Сталиным нападения на Германию в 1941 г., в отличие от него полагает, что Красная армия в любом случае в 1941 г. потерпела бы поражение (*Соколов Б.В.* Собирался ли Сталин напасть на Гитлера? // *Война и политика, 1939–1941. М., 1999. С. 305–330*).

¹⁹ По другим данным – 6 (Новая и новейшая история. 2001. № 6. С. 209). В этом же материале указывается на то, что результаты налёта полезно соотнести с версией В.Б. Резуна о том, какой страшный удар нанесли бы советские вооружённые силы врагу, если бы ударили первыми (см. также: *Короленков А.В.* В канун великих испытаний. С. 31). Тем не менее Д.Б. Хазанов беспартийно утверждает, будто «никто из оппонентов “Суворова” почему-то до сих пор не обратил внимания» на эти события, позволяющие «ответить на вопрос, а что было бы, если бы Советский Союз действительно нанёс упреждающий авиаудар» (*Хазанов Д.Б.* 1941. «Сталинские соколы» против люфтваффе. М., 2010. С. 136).

Вероятно, Сталин (во многом из-за немецкой дезинформационной кампании) всерьёз верил, что сначала ему будет предъявлен ультиматум, а потому опоздал с приведением войск в боевую готовность, причём директива на эту тему носила противоречивый характер (в ней говорилось одновременно и о боевой, и о полной боевой готовности). Но даже если бы это произошло раньше, поражения вряд ли удалось бы избежать. Так, многие части Прибалтийского военного округа перед войной заняли боевые позиции, а не были застигнуты врасплох, но всё равно оказались разбиты (с. 637). Главная причина заключалась в низком уровне подготовки армии – как командного, так и рядового состава.

Книга бесспорно удалась. Несмотря на значительную изученность темы, в ней содержится множество важных и малоизвестных фактов, немало интересных наблюдений и выводов, авторы усилили аргументацию в пользу одних точек зрения и показали ошибочность других²⁰. На последнем хотелось бы остановиться подробнее. Дело в том, что Лопуховский и Кавалерчик, много внимания уделяя историографической полемике, всё же в некоторых случаях упускают из виду достижения предшественников. Прежде всего это касается предыстории заключения советско-германского пакта. Они рассматривают его лишь в контексте последних предвоенных месяцев. Между тем Сталин и раньше стремился к сближению с Германией, ещё в 1935 г. выразив готовность обсудить возможность подписания среди прочих соглашений и пакта о ненападении²¹. О многом говорит и миссия Д.В. Канделаки: и сближения с Германией не удавалось добиться лишь из-за противодействия Гитлера²². Можно было бы расширить аргументацию в пользу того, что Сталин не собирался вступать в войну из-за Чехословакии во время судетского кризиса, обратившись к работам как отечественных²³, так и зарубежных исследователей²⁴, где отстаивается аналогичная точка зрения.

Как уже говорилось, авторы считают большим недостатком предвоенных планов то, что их разработчики исходили из возможности «угрожаемого периода», между тем как Гитлер напал без объявления войны. Думается, однако, что угрожаемый период был, если не понимать его слишком узко, т.е. исключительно как время после предъявления Германией требований Советскому Союзу и последующих переговоров. Хотя весной 1941 г. требований не выдвигалось, Сталин отчётливо почувствовал угрозу со стороны Третьего рейха и отреагировал на неё, демонстративно проводя призыв части резервистов, распуская слухи о возможном применении СССР химического и бактериоло-

²⁰ Отмечу некоторые допущенные в книге неточности: бельгийский город Мехелен превратился в Мечелен (с. 196), немецкий генерал Г.А. Витерсхейм назван Витершеймом (с. 203), И.П. Белов – Е.П. Беловым (с. 46), К.А. Мерецков – генерал-полковником (с. 24), а А.И. Корк – комкором (с. 110, примеч. 1), хотя они не носили этих званий. Говорится о восстановленной германской Академии генштаба, где учились советские военачальники в 1920–1930-х гг, но официально это были курсы, курировавшиеся отделом одного из министерств.

²¹ Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Ser. C. Bd. IV, 1. Göttingen, 1975. S. 138. Dok. 78. S. 138.

²² Случ С.З. Сталин и Гитлер, 1933–1941: расчёты и просчёты Кремля // Отечественная история. 2005. № 1. С. 98–119.

²³ См.: Случ С.З. Гитлер, Сталин и генезис четвёртого раздела Польши // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным 1939–1941 гг. М., 1999. С. 96–107. Наиболее развёрнуто см.: *он же*. Советский Союз и чехословацкий кризис 1938 г.: некоторые аспекты политики невмешательства // Мюнхенское соглашение 1938 года: история и современность. М., 2009. С. 114–144 (эта статья вышла уже накануне опубликования рецензируемой книги и вряд ли могла быть учтена).

²⁴ См., например: Pons S. Stalin and the Inevitable War. 1936–1941. L.; Portland, 2002. P. 130–136.

гического оружия, об ударе возмездия по городам Германии в случае войны и т.д.²⁵ Однако за несколько недель до начала агрессии он решил, что опасность нападения в 1941 г. миновала.

Более тщательного рассмотрения заслуживает вопрос о влиянии репрессий на состояние Красной армии. Никак не конкретизирован тезис о падении доверия бойцов к командирам и ослаблении дисциплины в результате террора. Кроме того, ещё за несколько лет до выхода книги в свет появились публикации, в которых показывалось, что и до начала массовых репрессий против комсостава дела в вооружённых силах обстояли далеко не лучшим образом, и достоинства, которые приписывают авторы погибшим в ходе террора командирам, оказываются под вопросом²⁶. Как мы увидим ниже, аргументы приводятся весьма серьёзные и требующие столь же серьёзного разбора, однако они не привлекли внимания авторов.

Именно вопросу о воздействии репрессий в Красной армии на её боеспособность посвящена книга А.Д. Смирнова, в которой обобщены результаты многолетних архивных изысканий автора, прежде публиковавшихся в виде статей²⁷. Свои выводы исследователь недвусмысленно анонсирует уже в названии книги. Он отмечает, что распространённый тезис о терроре против комсостава как причине поражений 1941 г. не подвергался необходимой проверке. Понижение уровня образования командиров было связано не столько с репрессиями, сколько с трёхкратным ростом численности армии, из-за чего уменьшился срок их подготовки. К тому же судить по наличию диплома об образовании, как часто делается, неверно, поскольку надо учитывать качество этого образования (с. 5–6). Затем автор приступает к проверке этого тезиса, анализируя положение с выучкой бойцов и командиров наземных войск в начале 1937 г., т.е. накануне массовых репрессий, на Хасане, Халхин-Голе, во время польской кампании и советско-финской войны и в последние предвоенные месяцы. Картина получилась ещё более удручающей, чем у Лопуховского и Кавалерчика: командиры действовали по шаблону, не проявляли инициативы – будущий маршал И.С. Конев на учениях 1936 г., узнав из перехваченного приказа «противника» направление его удара (редкая удача), никак на это не отреагировал (с. 323), Г.К. Жуков в 1935 г. бросил конницу в сабельную атаку на танковые части, и даже видный военный теоретик Г.С. Иссерсон двинул свою дивизию на врага в лоб (с. 249). Боевые порядки оказывались скученными (с. 100, 217, 221); штабы работали плохо, массу времени тратили на составление документации, поскольку подготовка штабистов была низкой. Так, в 1936 г. все три начальника штаба полков 40-й стрелковой дивизии не знали условных знаков для нанесения обстановки на карту (с. 158). Да и позже ситуация не изменилась. Не соблюдался принцип непрерывности ведения разведки (с. 195). На Халхин-Голе обходные манёвры стали осуществляться лишь по приказу К.Е. Ворошилова (впрочем, возможно, по совету Б.М. Шапошникова) (с. 247). При этом во время советско-финской войны попытки окружить врага предпринимались уже гораздо чаще, чем на учениях до репрессий, и высшее командование действовало не

²⁵ См.: Вишнёв О.В. Накануне 22 июня 1941 года. Документальные очерки. М., 2001. С. 30–32.

²⁶ Смирнов А.Д. Большие манёвры // Родина. 2000. № 4. С. 86–93; *он же*. К бою – не готовы! Армия маршала Блюхера накануне 1937 года // Родина. 2000. № 9. С. 74–78; *он же*. Торжество показухи. Киевские и Белорусские манёвры 1935–1936 гг. // Родина. 2006. № 12. С. 88–96; и др.

²⁷ Смирнов А.Д. Крах 1941 – репрессии ни при чём! «Обезглавил» ли Сталин Красную Армию? М.: Яуза, Эксмо, 2011. Далее ссылки на эту книгу даются в тексте с указанием страницы.

хуже М.Н. Тухачевского, И.П. Уборевича и И.Э. Якира (с. 315, 318). Индивидуальная выучка пехотинцев была низкой и до, и после репрессий – стреляли они плохо (ухудшение после начала «чисток» было связано с отменой послаблений, имевших место в прежние годы; к тому же многие отчёты сильно приукрашивали действительность), самоокапыванием и маскировкой пренебрегали, обращаться с гранатами не умели, и т.д. Младшие командиры не умели отдавать приказы, ограничиваясь самыми простыми распоряжениями вроде «вперёд», «за мной» и т.п. В 142-й стрелковой дивизии лишь 17% комначсостава знало компас, карту и умело ходить по азимуту (с. 95, 165, 217–218, 223, 225, 348 и др.). Танкисты слабо ориентировались на местности и неважно вели разведку, хромала огневая подготовка (в Белорусском военном округе в первой половине 1937 г. почти все танковые части в ходе стрельб показали неудовлетворительный результат), плохо обстояло с вождением танков по лесистой, болотистой и горной местности. Из-за слабых навыков эксплуатации танки быстро выходили из строя (с. 110–117, 228–233, 390–392 и др.). В артиллерии были плохо поставлены артиллерийская разведка и наблюдение; оборудование и маскировка огневых позиций; управление огнём и его массирование (в итоге стреляли по площадям); взаимодействие с пехотой и танками. Наконец, артиллеристы плохо стреляли и слабо знали свою технику (с. 117–120, 170–171, 207–213 и др.). Последнее можно сказать и о связистах; многие из них демонстрировали неудовлетворительную работу на аппаратах «морзе» (на низкой выучке связистов, как отмечали уже тогда, сказывался общий невысокий образовательный уровень). Командиры войск связи зачастую не умели работать с картой и обеспечивать связь ни в наступлении, ни во встречном бою, ни даже на марше. К тому же штабисты вообще неохотно пользовались радиосвязью, предпочитая посыльных (с. 93–94, 214–215, 394–396 и др.). Сапёры не всегда справлялись даже с наведением переправ, слабо освоили постановку минных полей и возведение построек тяжёлого типа и заграждений. Особенно плохо выполняли они свои задачи в ходе подвижного боя (с. 120–122). Неважно работала и служба тыла. Так, в ноябре 1936 г. во время конфликта у Турьего Рога на советско-японской границе целый дивизион конно-артиллерийского полка выступил в поход без полушубков, валенок и запаса продовольствия, а около трети бойцов одного из стрелковых батальонов – в рваной обуви. В отчёте штаба ОКДВА от 18 мая 1937 г. отмечалось, что штабы могли удовлетворительно управлять тылами, действовавшими «не в полном составе и не в подвижных формах боя». Требовались же действия в полном составе в условиях именно подвижного боя. При этом зачастую командиры вообще забывали (!) отдать соответствующие приказы тыловым службам (с. 56–58). И общим слабым местом для всех родов войск оставалось их взаимодействие. В данной связи автор высказывает любопытное предположение: атака 11-й легкотанковой бригады без поддержки пехоты и артиллерии под Баин-Цаганом была преждевременной и необходимостью не диктовалась, и если бы Жуков подождал два дня подхода 24-го стрелкового полка и бросил бы танки в атаку при поддержке пехоты, сколь-либо серьёзных отрицательных последствий это не имело бы, зато позволило бы избежать тяжёлых потерь. Впоследствии, как отмечает Смирнов, Жуков учёл необходимость взаимодействия родов войск, но многие другие командиры этого так и не усвоили (с. 253–255).

Анализируя материал, автор лишь в одном случае обнаруживает пагубное воздействие репрессий – «недочёты» в оперативной подготовке 1938 г., «за-

труднение в принятии решений», вызванные «обновлением начальствующего состава», на что указывал Б.М. Шапошников (с. 188). Однако эти недостатки к началу войны, по мнению Смирнова, были преодолены (с. 476). Общий вывод таков: состояние армии после репрессий почти не изменилось, в чём-то даже немного улучшилось, и говорить о влиянии «чистки» на её боеспособность не приходится.

Следует признать, что свой основной тезис автор доказал, и в этом, как и в собранном им материале, ценность книги. Не приходится отрицать, что роль массовых репрессий в поражениях 1941 г. серьёзно преувеличивается. Подчеркну: именно преувеличивается, но не является нулевой или близкой к нулю. Кроме того, в своём стремлении во что бы то ни стало оспорить отрицательное воздействие террора на боеспособность Красной армии Смирнов неправомерно сузил хронологические рамки – почему речь только о 1941 г.? Потому, что так ставят вопрос те, с кем он полемизирует, и так легче доказать «безвредность» репрессий? Подобный подход не представляется удачным – толковых командиров остро не хватало всю войну, иначе зачем после отмены института комиссаров в октябре 1942 г. стали поспешно (и без особого успеха) пытаться превратить многих политработников в обычных командиров? Маловероятно, что те, кто погиб в результате «чистки», переломили бы ход приграничных сражений, однако потери и вообще масштабы поражений могли быть меньше. К тому же автор, ограничиваясь первым годом войны, исключает из рассмотрения вопрос о профессиональном росте командиров, ведь те, кто плохо руководил в 1941-м, позднее во многих случаях действовали лучше. Невольно это признаёт и сам Смирнов, когда приводит примеры неудачных действий Г.К. Жукова, И.С. Конева, В.Я. Колпачки (с. 37), Н.Э. Берзарина (с. 177) – ведь в ходе войны они при всех оговорках стали совсем не худшими военачальниками. Вряд ли не было шансов «вырасти» в профессиональном отношении у многих из тех, кто не дожил до войны или провёл её в лагерях. О том, что за решёткой оказались многие отнюдь не бесталанные командиры, свидетельствуют примеры арестованных, но позднее освобождённых К.К. Рокоссовского, К.А. Мерецкова, Г.А. Ворожейкина, А.В. Горбатова, К.Н. Галицкого, Ф.Ф. Жмаченко, А.И. Зыгина, и др.²⁸ Хотя бы в силу элементарной теории вероятности можно полагать, что среди погибших также оказалось немало перспективных военачальников.

Необоснованно сужает Смирнов и период, когда проводились репрессии, начиная его лишь с 1937 г. – формально он прав, ибо исходит из точки зрения тех, с кем ведёт дискуссию, но сама эта точка зрения верна лишь в том смысле, если говорить о *массовых* репрессиях в самой РККА. Смирнов возражает О.Ф. Сувенирову, когда тот обосновывает падение уровня подготовки командиров Красной армии в результате «чистки» ссылкой на эмигрантского публициста А.А. Зайцова, который писал ещё в «дорепрессионном» 1934 г. (с. 11). Сувениров, конечно, прежде всего имел в виду «большой террор», но такое представление ошибочно (вспомним хотя бы дело «Весна»)²⁹, и Смирнов, который прекрасно понимает, что советское государство стало тоталитарным отнюдь не в 1937 г. (с. 12), тем более не имел оснований называть предшествовавшие ему годы «дорепрессионными».

²⁸ Черушев Н.С. Удар по своим. Красная армия: 1938–1941. М., 2003. С. 274–275, 467.

²⁹ Недаром Д.М. Глэнц назвал раздел о репрессиях 1937 и последующих лет «продолжающейся чисткой» (continuing purge) (Glantz D.M. Stumbling Kolossus. The Red Army on the Eve of World War. Lawrence, 1998. P. 26).

При этом к сторонникам точки зрения о том, что террор нанёс огромный ущерб армии, автор беспощаден: он пишет о «бездоказательности» их выводов, «беспомощно надёрганных фактах» (sic!), «голословных утверждениях», «нежелании считаться с азами методики исторического исследования и элементарной логики» и подозревает их в подверженности политической конъюнктуре и даже «подтасовках» и «сознательном искажении истины» (с. 5, 7, 15, 17, 19). Хотя Смирнов нигде не оправдывает террор, складывается впечатление, что это лишь лукавое умолчание – как и отказ рассматривать проблему вне рамок вопроса о поражениях лишь первых месяцев войны. Думается, что многие из цитированных выше обвинений вполне могут быть предъявлены и ему самому.

То же можно сказать, когда видишь, как Смирнов работает с историографией. «Нельзя считать репрессии... одной из причин (и тем более главной причиной) разгрома Красной армии в 1941 г.» (с. 477–478). Между тем высказываний учёных, в которых репрессии объявляются *главной* причиной поражений первых месяцев войны, не приводится, и похоже, если пользоваться терминологией автора, это не просто бездоказательное утверждение, а элементарная подтасовка с целью подчеркнуть оригинальность собственных выкладок.

Следует заметить, что автор вообще уделил, мягко говоря, недостаточное внимание работе с историографией. Она почти не используется, полемика ведётся лишь во введении, далее – единичные случаи в некоторых главах³⁰. Полностью игнорируется зарубежная литература, если не считать статьи польского учёного Я. Войтковяка (да и та, видимо, попала в поле зрения Смирнова лишь потому, что издана по-русски). Между тем в самом полном на сегодняшний день исследовании репрессий в РККА, принадлежащем перу другого польского исследователя П.П. Вечоркевича (в нём более 1 300 страниц!), имеется и раздел о влиянии «чистки» на боеспособность Красной армии³¹. Между прочим, этот учёный также не считает репрессии одной из главных причин поражений в 1941 г., которые были неизбежны в любом случае – причиной их являлась сама сталинская система. Однако гибель тысяч командиров обернулась лишними потерями, ибо многие из репрессированных имели опыт Гражданской войны, которая хотя и была иной, всё же приучала к инициативе, импровизации. К тому же в результате репрессий многие бойцы стали куда меньше доверять командирам, а те боялись принимать на свой страх и риск ответственные решения³².

Не обратился Смирнов и к монографии крупнейшего американского специалиста Д.М. Глэнца «Колосс на глиняных ногах. Красная армия накануне мировой войны». В этой книге приведено немало данных о состоянии советских вооружённых сил, рассматривается и вопрос о репрессиях. В результате «чистки», по мнению Глэнца, РККА лишилась «наиболее перспективных теоретиков и опытных практиков», подорвала революционные традиции, поднимавшие боевой дух солдат и офицеров, а потому в советско-финскую и первые месяцы Великой Отечественной войны действовала неудачно, «словно бездушная ма-

³⁰ Жаль, что автору остались неизвестными работы Н. Ю. Кулешовой, особенно её статья: *Кулешова Н.Ю.* Красная армия в конце 1930-х годов: проблема боеспособности с точки зрения истории повседневности // *Отечественная история.* 2003. № 4. С. 60–83.

³¹ *Wieczorkiewicz P.P.* Łancuch śmierci: Czystka w Armii Czerwonej 1937–1939. Warszawa, 2001. S. 1017–1045.

³² См. также: *Короленков А.В.* Ещё раз о репрессиях в РККА в предвоенные годы // *Отечественная история.* 2005. № 2. С. 159 (эта публикация, где, кстати, речь идёт и о его статьях, также осталась Смирнову неизвестной).

шина», и несла большие потери. В то же время трудности боевой подготовки, отмечает Глэнц (как и многие другие учёные), создали не только репрессии, но и значительный рост её численности³³.

Можно не соглашаться с выводами перечисленных авторов, но рассмотреть их (а также учесть приведённый в них фактический материал) требуют элементарные правила работы с историографией, не говоря уже о том, что кое в чём можно найти и совпадение со взглядами Смирнова, а на предшественников принято ссылаться.

Вот более частный, но также весьма показательный случай более чем странного обращения Смирнова с историографией и оценки фактов. Он ссылается на статью Г.И. Герасимова³⁴, который-де «с цифрами на руках» опроверг тезис «о понижении уровня командного состава РККА после 1937–1938 гг.», ибо после «чистки» число окончивших военные академии даже выросло (с. 20). Однако прежде чем считать число получивших образование в академиях, следовало бы доказать, что качество образования в них к концу 1930-х гг. не ухудшилось (это весьма вероятно, если учесть «изъятие» многих квалифицированных преподавателей, изменение учебных программ, относительное сокращение материальной базы военных вузов и училищ и др.)³⁵. Да и сам Смирнов, как отмечалось выше, пишет, что нельзя судить об уровне образования по наличию диплома. Налицо формальный подход, за который он справедливо критикует В.С. Мильбаха, который в доказательство успехов в боевой подготовке Особой Краснознамённой Дальневосточной армии сослался на факт награждения группы её командиров орденами в начале 1937 г. (с. 15).

Несколько слов о структуре книги, которая представляется не вполне удачной. Автор описывает положение дел на Хасане, Халхин-Голе, в Польше, Финляндии, а затем каждый раз показывает, каким оно было до начала массовых репрессий. И поскольку объём имеющегося в его распоряжении материала не безграничен, это приводит к постоянным повторам (о действиях С.Н. Амосова на учениях 1936 г.: с. 36 и 249, о 24-й стрелковой дивизии: с. 251 и 321–322, о безынициативности И.С. Конева: с. 323 и 408–409, и др.). Конечно, это немало способствовало увеличению размеров книги, но вряд ли обоснованно с научной точки зрения.

Пора подводить итоги. В первой из рассмотренных книг дан панорамный взгляд на предвоенные годы – внешнюю политику, состояние армий СССР и Германии, планы сторон. Комплексный подход позволяет лучше понять взаимосвязь различных факторов, и хотя кое-что выпадает из поля зрения авторов, а в чём-то допущены неточности, да и не во всём можно с авторами согласиться, картина получилась интересной и в целом убедительной. Вторая посвящена более частному, но достаточно важному вопросу об одной из причин поражений Красной армии в 1941 г. Основной тезис книги можно считать вполне до-

³³ Glantz D.M. Op. cit. P. 33. Критику некоторых выводов Глэнца см.: Короленков А.В. Ещё раз о репрессиях в РККА... С. 159.

³⁴ Герасимов Г.И. Действительное влияние репрессий 1937–1938 гг. на офицерский корпус РККА // Российский исторический журнал. 1999. № 1. С. 44–52. В своём стремлении свести к нулю пагубные последствия террора для вооружённых сил этот автор утверждает в отношении 1940–1941 гг., будто «никаких репрессий в эти годы, как известно (! – А.К.), не было» (с. 44). Очевидно, Г.М. Штерн, А.Д. Локтионов, П.В. Рычагов, И.И. Проскуров и другие жертвы куйбышевского расстрела (да и не его одного) умерли от «острой сердечной недостаточности».

³⁵ Так, ещё в 1935 г. Е. А. Щаденко добился отмены курса лекций по теории стратегии в Военной академии им. М.В. Фрунзе (Лопуховский Л.Н., Кавалерчик Б.К. Указ. соч. С. 518).

казанным, однако она много теряет из-за крайнего сужения хронологических рамок рассматриваемых вопросов, а также слабой и не всегда добросовестной работы с историографией, из-за чего за пределами внимания автора оказались некоторые важные обстоятельства. Вряд ли также можно признать допустимым отношение к коллегам, которым не всегда в корректной форме предъявляются обвинения в том, чем автор грешит подчас и сам. Но, несмотря на отмеченные недостатки, обе работы расширяют наши знания и понимание сути событий тех лет, исследование которых ещё далеко не закончено.